

знають, что это имъ не подь силу. и предоставятъ это правительству. Въ Россіи совсѣмъ другія условія, чѣмъ въ Германіи. У насъ не было ни протестантства, ни религіозныхъ войнъ, и революція у насъ будетъ совсѣмъ другая. Я не пророкъ, но, какъ вы 20 лѣтъ тому назадъ не знали, что будете дѣлать теперь, такъ и теперь нельзя знать, что будетъ въ Россіи черезъ 20 лѣтъ“.

Попытка узнать мнѣніе графа о реформаторскихъ затѣяхъ русскаго правительства не увѣнчалася успѣхомъ. Графъ сказалъ: „Вы-же знаете, что я съ правительствомъ не въ ладахъ. Скажу только, вто до сихъ поръ наше правительство опиралось на силу; теперь оно должно будетъ опираться на любовь и благожелательство, въ духѣ Евангельскаго ученія. Это самое важное“.

Во вліяніе германскаго императора на русскую политику въ Польшѣ Толстой не вѣритъ. На вопросъ о здоровьи онъ отвѣтилъ: „Приближаюсь къ предѣлу. И это хорошо“.

